

А. Л. Мартенко, профессор
кафедры юридической психологии
Национальной академии внутренних
дел, кандидат юридических наук,
доцент

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Рассмотрено взаимодействие объективных и субъективных факторов в детерминации преступного поведения. Определены элементы психологического механизма преступного поведения. В контексте различных подходов проанализированы свойства личности преступника и его отношение к результатам преступления, потребности, интересы, мотивы, цель (цели) совершения преступления, особенности использования или целенаправленного создания преступником конкретной ситуации.

Ключевые слова: преступное поведение; механизм преступного поведения; самодетерминация; личность преступника; поступок; цель; мотив; стимул; юридическая психология.

Обобщение имеющихся монографических исследований по юридической психологии позволяет утверждать, что взаимодействие объективных и субъективных факторов в детерминации преступного поведения реализуется в психологическом механизме конкретного поступка (преступного действия или бездействия), а его составными элементами являются свойства личности преступника и его отношение к результатам преступления, потребности, интересы, мотивы, цель или цели совершения преступления, а также особенности использования преступником конкретной ситуации или ее целенаправленное создание. При этом преступный характер деяния (бездействия) обуславливается не особенностями самого психологического механизма его совершения, отличного от механизма правомерного поведения, а дефектами отдельных звеньев этого механизма, которые сформировались на разных стадиях его функционирования.

Общепринятым является положение, что детерминация преступного поведения – всегда сложное взаимодействие объективных и субъективных факторов [1–2]. Крайним случаем,

определяемым влиянием внешних условий, следует признать такую объективную ситуацию, которая чревата преступными последствиями при отсутствии антиобщественной направленности личности (ст. 36, 38, 39, 41 УК Украины). Лишение жизни в состоянии необходимой обороны не влечет за собой уголовной ответственности именно потому, что причиной внешне общественно опасных, а на самом деле социально полезных действий, стала сама ситуация, которая не оставляет других возможностей, кроме лишения жизни самого нападающего. С другой стороны, причиной противоправного поведения может быть также сама личность, а точнее – ее индивидуально-психологические особенности, достаточно жестко предопределяющие определенный вариант выбора альтернативы и принятия решения о совершении преступления в социально нейтральной ситуации или при условии целенаправленного создания криминогенной ситуации самим человеком. В этих случаях речь идет о самодетерминации преступления.

Сразу отметим, что последний тезис является одним из самых дискуссионных в юридико-психологической и криминологической литературе, причем эта дискуссионность в значительной степени порождается различными научными подходами к трактовке понятия «личность преступника». Мы отрицаем возможность непосредственного влияния на преступное поведение биологических факторов (теория «врожденного преступника» и попытки объяснить совершение преступления самим существованием преступности: «имеются отдельные факты совершения преступления ради его самого, независимо от результата, ради самого процесса совершения преступных действий» [3, с. 206]. Истоки самодетерминации следует искать именно в индивидуально-психологических особенностях субъекта преступления.

Такое мнение не ново для юридико-психологической литературы. Еще В. М. Бехтерев в работе «Об экспериментально-психологическом изучении преступников» (1902 г.) писал: «Чем больше мы углубляемся в изучение преступных лиц, тем больше убеждаемся в сложности психических и моральных условий, лежащих в основе преступности. Уже сам факт, что мы до сих пор не можем договориться в отношении различных категорий преступных

лиц, указывает на особую сложность психической основы преступления. Факт этот объясняется тем, что в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и более того, вся его психофизическая организация, причем в одних случаях в основе преступления лежит особая подвижность чувственной сферы ее чрезвычайная раздражительность и импульсивность, это так называемые преступники по страсти. В других случаях преступность в своей основе имеет естественный недостаток чувственной сферы, который проявляется в недоразвитости нравственных чувств, благодаря чему преступники этой категории совершают обычно преступления с заранее обдуманном намерением, для нужд своей натуры без большого усилия, это преступники, лишённые нравственного чувства, чаще врожденные преступники, приближающиеся к категории известной формы *moral insanity* (моральное помешательство). В третьих случаях преступления совершаются из-за недостатков в интеллектуальной сфере из-за невозможности оценки значения прав собственности и более или менее ясного различения между злом и добром. Это так называемые слабоумных преступники или душевно больные преступники. В четвертых случаях мы имеем преступников с ослабленной волей из-за алкоголизма и других причин, которые отличаются ленью, неспособностью к систематическому труду и для которых преступление является единственной возможностью существования. Но все эти разделения преступников на те или иные категории, которых предлагалось и предлагается множество, страдают большой условностью» [4, с. 203].

С. В. Познышев, подчеркивая важность и значение изучения личности преступника для понимания генезиса преступного поведения, утверждал, что наличие как умысла, так и неосторожности свидетельствует о наличии у субъекта чего-то такого, что «служило корнями этого преступления. ... Вина является конкретным настроением, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных событий, происходящих в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции – с другой. Заключается преступление в том, что лицо совершило нечто запрещенное законом или не выполнило того, что уголовный закон требует, то есть заключается оно в наказуемом деянии или бездействии,

оно всегда является волевым актом и, как таковой, представляет собой определенную моторную реакцию на полученные индивидом впечатления» [4, с. 236]. Механизмом такой реакции он считает выбор из имеющихся возможностей, в котором проявляется вся «духовная личность» преступника с присущим ему запасом жизненного опыта, способностью или неспособностью предусматривать более или менее отдаленное будущее, имеющимися волевыми навыками и тенденциями к определенным типам поведения. При наличии умысла лицо сознательно прогнозирует последствия своего поведения (хотя такое представление может быть и ошибочным) и «получает разрешение» сознания на него; при совершении преступления по неосторожности такой прогноз отсутствует или недостаточен.

Конечно, наши представления о сущности психического сегодня значительно изменились. Мы уже не оцениваем вину как настроение, то есть определенное эмоциональное состояние; она является сознательным или недостаточно осознанным отношением лица к возможным последствиям своего поведения. Психическая конституция – слишком упрощенная трактовка сложного внутреннего мира человека, которое к тому же имеет у С. В. Познышева выраженную биологическую сущность. Волевое действие не может быть сведено только к моторной реакции, поскольку предполагает также наличие интеллектуального (борьба мотивов) и эмоционального (переживания) компонентов. Но вывод автора от этого не перестает быть верным по сути : преступное поведение является отражением «духовности» личности, выбором единственного множества возможных альтернатив вариантов решения ситуации на основе жизненного опыта, уровня интеллектуального развития, имеющихся установок и стереотипов поведения.

Современные зарубежные и отечественные исследователи (Г. Айзенк, Р. Бэрн, Ю. М. Антонян, А. В. Наумов, Е. С. Самовичев, С. В. Трофимов и др.) предлагают различные перечни типичных психологических черт лиц, совершающих, в частности, насильственные преступления. К ним относятся высокая тревожность и эмоциональная чувствительность, раздражительность и обидчивость, неуравновешенность или, наоборот, ригидность аффектов (склонность подозревать других, ревность, злобливость, мстительность), яркое

воображение, импульсивность, решительность, агрессивность, жестокость, недостаточный уровень развития коммуникативных способностей и самоконтроля и проч. В этом общем перечне легко увидеть определенные противоречия, что вполне закономерно, если учесть принадлежность указанных авторов к различным научным школам. Несмотря на это, несомненно, что на индивидуально-психологическом уровне различия между законопослушными гражданами и преступниками, а также между разными по антиобщественной направленностью категориями преступников, существуют, и это позволяет создавать определенные их типологии.

Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев и В. Е. Эминов [5], обобщив результаты обследования лиц, осужденных за насильственные преступления, по методикам ММРИ и 16-PF Кеттелла, выделили среди них семь типов: возбудимый, неуправляемый, упрямый (настойчивый), активный, демонстративный, демонстративно-застевающий, безвольный. Авторы отмечают, что в формировании соответствующего типа участвуют различные факторы: акцентуированные черты характера, особенности воспитания в период формирования правосознания, конкретные обстоятельства, предшествующие преступлению – провокационное поведение будущей жертвы, ожидания окружающих, которые, например, могут подстрекать убийцу, актуальное психическое состояние (истощение, возбуждение, тревога, страх, обида, алкогольное опьянение и т.п.).

Е. С. Самовичев [6] выделяет среди убийц тех, которые объясняют свой поступок «справедливым возмущением, импульсивным гневом («разозлился, не сдержался»); стремлением защититься от агрессии («вынужден был защищать собственную жизнь»; потерей контроля над собой («был пьян»). По нашему мнению, здесь речь идет не о типах (типологии), а об особенностях мотивации, более или менее искреннего выяснения причин такого поведения для себя и других.

А. В. Кучера совершил уголовно-психологический анализ убийств на семейно-бытовой почве – таких, где свойства личности проявляются наиболее четко, поскольку данному виду преступных деяний всегда предшествуют длительные конфликтные отношения между преступником и жертвой [7, с. 354–360]. Одним из объяснительных механизмов преступного поведения он считает

формирование феномена психологической защиты личности, помогающего преступнику «сделать» убийство приемлемым для себя («проекция», «рационализация», «интеллектуализация» и др.). По его мнению, механизмы психологической защиты «работают» и в случае совершения импульсивного, неподготовленного заранее преступления.

Автор выделяет 4 типа убийц.

1. Лица, живущие во внешне благоприятном (легком) мире и имеющие простой внутренний мир, руководствующиеся «принципом удовольствия» (З. Фрейд), ведущие гедонистический, потребительский образ бытия. У них отсутствуют отдаленные цели (они заботятся об удовлетворении эгоистических потребностей «здесь и теперь»), воля преодолевать трудности не развита. Блокировка потребностей вызывает инфантильную реакцию протеста, стремление сейчас же восстановить состояние удовлетворения, достичь желаемого и наказать обидчиков любым способом, не задумываясь о возможных последствиях. Убийство для таких социально и педагогически запущенных, неразвитых лиц – не проблема, оно не вызывает никаких переживаний. Удельный вес таких убийц более значителен, чем могло бы казаться (около 40%). Им не нужна психологическая защита, поскольку чувство вины отсутствует, есть лишь констатация факта.

2. Лица, существующие в неблагоприятных (тяжелых) условиях и имеющие простой внутренний мир. Представители этого типа привыкли «бороться за жизнь», выживать. Они пытаются вести себя рационально, реалистично, при этом переживания сосредоточены не на других, а на собственной судьбе («пришлось убить, потому что не было другого выхода», «вынужден был убить»).

3. Лица со сложным внутренним миром, живущие в «простом мире». Их попытки нейтрализовать конфликтную ситуацию оказываются неудачными из-за чрезмерной склонности к «интеллектуализации», подозрительности, жадности и т.д. Поэтому и убийства часто имеют импульсивный характер, являются ярким эмоционально заряженным проявлением протеста против «несправедливости». Концентрация переживаний у лиц этого типа часто меняется, колеблясь от самообвинений и стремления самонаказания, вплоть до самооправдания и обвинения

жертвы. Переживания эти не последовательны и не конструктивны, противоречивы и поверхностны.

4. Сложноорганизованные лица в сложном мире – творческие и ответственные, среди убийц на семейно-бытовой почве практически не встречаются. Известны случаи, когда преступник впоследствии, когда преступление уже всеми забыто, является с повинной, потому что не находит весомых аргументов для самооправдания, не может спокойно жить с таким грузом на душе.

Таким образом, можно утверждать, что среди умышленных насильственных преступников имеется значительное количество лиц – носителей однородных психологических черт, таких как импульсивность, агрессивность, повышенная чувствительность к межличностному взаимодействию, отчужденность, недостаточная социальная адаптированность. Эти особенности можно рассматривать как склонность к совершению преступления, то есть как свойства, уменьшающие «криминогенный порог» личности. Как отмечает Ю. М. Антонян, «личность преступника отличается от личности законопослушного негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфическое именно для преступников. Эта специфика их нравственно-психологического облика является одним из факторов совершения преступлений, что отнюдь не является психологизацией причин преступности, поскольку такие особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, то есть имеют социальное происхождение» [5, с. 29].

Подобную точку зрения высказывает А. Р. Ратинов, аргументируя, что преступное поведение всегда является следствием экстерниоризации ценностно-нормативной системы личности. По его мнению, юристы не всегда точно трактуют психологические истоки преступного поведения: «Предложенная В. Н. Кудрявцевым концептуальная схема генезиса преступного поведения предполагает возможность прямого действия жизненной ситуации как непосредственной причины преступления, без опосредования его личностными свойствами субъекта. Между тем с психологической точки зрения ситуация – это определенное видение субъектом

некоторого фрагмента действительности, в котором происходит его актуальная деятельность. Подверженность ситуации, подчинение ситуативным мотивам – это проявление социальной незрелости личности, неустойчивости ее ценностно-нормативной системы» [8, с. 27].

Элементами механизма преступного деяния являются не просто свойства личности преступника и его отношение к результатам преступления, но и особенности использования преступником конкретной ситуации или ее целенаправленное создание. Соответственно, стадиями преступного поступка является формирование указанных переменных, их актуализация в определенной ситуации, принятие поведенческого решения и его реализация. При этом преступный характер деяния (бездействия) обуславливается не каким-то особым психологическим механизмом его совершения, отличным от механизма правомерного поведения, а дефектами отдельных звеньев этого механизма, которые сформировались на разных стадиях его функционирования. Такие «отклонения», наделяющее поступок социальным значением преступления, могут касаться любого элемента психологического механизма, одной или нескольких стадий его функционирования, быть различными по продолжительности и степени осознания. Чем более ранние стадии функционирования психологического механизма совершения преступления мы анализируем, тем более отдалены они во времени от самого преступного деяния, тем сложнее понимание настоящих истоков. В наименьшей степени такая удаленность наблюдается относительно принятия решения: здесь речь идет об обдумывании, подготовке, приискании необходимых средств, ожидании удобного момента или специальном создании ситуации, благоприятной для совершения преступления. Реализация решения во времени полностью совпадает с преступлением, и собственно психологический компонент в нем представлен минимально по сравнению с предыдущими стадиями.

Итак, под механизмом совершения преступления следует понимать связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренней, психической активности личности, детерминирующей принятие решения и контролирующей его выполнение. Такой механизм, несомненно,

является динамическим, а не статическим явлением, где все составляющие (элементы) находятся во взаимодействии.

Все преступления по механизму их совершения могут быть разделены на два класса – совершаемые в форме простого и сложного волевого действия, причем принципиальная психологическая разница между ними состоит в отсутствии или наличии мотива (как вариант – нескольких мотивов, в этом случае неотъемлемым компонентом сложного волевого действия становится борьба мотивов) [9, с. 446]. Отсюда можно сделать вывод, что все умышленные преступления представляют собой сложные, неосторожные (ситуативно-импульсивные) преступления – простые волевые действия. В последнем случае доминирующее значение имеют операциональные установки и поведенческие стереотипы лица; при наличии осознанного преступного умысла – следует учитывать комплекс объективно-субъективных взаимосвязей между отдельными компонентами деяния, особенностями допреступного, преступного и «послепреступного» поведения субъекта преступления.

В сложном волевом действии можно выделить этап преддействия – определения цели и ее личностного принятия. Здесь речь идет о первоначальном звене осознанного поведения – поступке как единичном целенаправленном воздействии, взятом в неразрывном единстве субъективных побуждений и социально значимых последствий. «Преступление – волевой акт человеческого поведения, который находится под контролем сознания: избирательность поведения становится основой уголовной ответственности за его совершение» [9, с. 205].

Общественно опасная направленность личности преступника актуализируется при наличии повода – внешнего обстоятельства, не являющегося самостоятельной причиной, а лишь «разряжающей» причину уже имеющуюся. При этом для совершения преступления не суть важно, типичен он или нетипичен, существенен или незначителен, поскольку его характеристика – отражение, прежде всего, особенностей личности преступника, его предпочтений, социальной позиции, мотивов и целей преступления. Поэтому объективное своеобразие ситуации и ее субъективный смысл могут совпадать или различаться.

Зависимость принятия решения от конкретной жизненной ситуации, в которой возникает повод, ее определяющая роль в совершении преступления неоднократно подчеркивалась в криминологической и психологической литературе. Конкретная жизненная ситуация проявляется как: а) задача, требующая решения и каких-то действий; б) ситуация принятия решения; в) условие принятия решения; г) фактор, влияющий на принятие решения о совершении преступления.

Более общим по отношению к поводу является понятие «стимул», то есть внешняя необходимость, являющаяся непосредственным активизирующим звеном поступка (внезапно возникшая опасная ситуация, принуждение, насилие, просьба и т.п.) и усиливающая побуждение к действию или непосредственно формирующая его мотивацию. Так, при совершении насильственных преступлений такой личностный смысл может заключаться в защите «Я» от нежелательной информации угрожающего характера, в результате чего возрастает психическая напряженность, обостряются негативные эмоции (гнев, страх, агрессивность). Следующим шагом является мобилизация самых привычных, то есть подсознательных реакций и осуществление рискованных, направленных на внешний эффект экстремальных действий, которые и становятся поводом для преступления. Цели поведения при этом определяются спонтанно, без развернутого их осознания, оговариваются самой ситуацией. Но такая спонтанность – лишь внешняя, от лица зависит, как он отражает ситуацию и каким образом реагирует на нее. Даже в самых критических ситуациях адекватно социализированный человек находит приемлемый выход, поэтому никакие «благоприятные условия» преступного поведения не оправдывают, они лишь свидетельствуют об уровне субъективной готовности к ней.

Таким образом, ситуация совершения преступления – своеобразный личностный показатель социальной адаптированности индивида. Когда обстоятельства влияют на формирование преступного умысла, они выступают как целеобразующие механизмы поведения личности, а не как причинный механизм поведения.

Следует различать уголовно-правовое понятие преступления и криминологическое понятие преступного

поведения. Преступление – действие или бездействие, имеет объективную и субъективную сторону соответствующего состава и характеризуется общественной опасностью. Преступное поведение – понятие более широкое, это не только общественно опасное и противоправное действие, но и его истоки (мотивы), постановка цели, принятие решения и выбор средств. Если попытаться представить его юридико-психологическое определение, то преступное поведение – это мотивированные, целенаправленные, сознательные и управляемые действия, с помощью которых достигается определенная антиобщественная цель. Мотивы, побуждающие человека к действию, при достижении цели реализуются, благодаря чему преступные действия приобретают определенный смысл и характер завершенного сложного волевого акта.

По нашему мнению, указанные составляющие выходят за пределы криминологии, поскольку речь идет о чисто психологических феноменах: мотив, цель, принятие решения, которые в совокупности раскрывают причины индивидуального преступного поступка. Ни одно внешнее проявление сознательного поступка, в том числе – преступления, не происходит спонтанно: оно практически всегда подготовлено более или менее длительным периодом формирования личности. Преступное поведение является процессом, разворачивающимся во времени и пространстве и состоящем не только из действий, изменяющих внешнюю среду, но и из предшествующих им психологических явлений и процессов, которые определяют генезис преступного поступка.

Список использованных источников

1. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1968. – 175 с.
2. Тарахун С. А. Вибрані твори. – Ч. I. – Юридична психологія. Мотивація злочинної поведінки. – К. : Вид-во НАВСУ, 2004. – 212 с.
3. Юридична психологія : [підруч.] / за заг. ред. Я. Ю. Кондратьєва. – К. : Вид. дім «Ін Юре», 1999. – 352 с.
4. Юридическая психология : хрестоматия / сост. : В. В. Романов, Е. В. Романова. – М. : Юрист, 2000. – 448 с.

5. Антонян Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. – М. : Юристъ, 1996. – 336 с.

6. Самовичев Е. Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания [учеб. пособие] / Е. Г. Самовичев. – М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1988. – 50 с.

7. Кучера А. В. Кримінально-психологічний аналіз убивств на сімейно-побутовому ґрунті / А. В. Кучера // Проблеми пенітенціарної теорії і практики : щоріч. бюл. Київ. ін-ту внутр. справ. – К. : КІВС ; МП Леся, 2002. – С. 354–360.

8. Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. – М. : Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разрешению мер предупреждения преступлений, 1979. – 178 с.

9. Бандурка А. М. Юридическая психология : [учеб.] / Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. – Харьков : Изд-во НУВС, 2001. – 640 с.